

УДК 008:001.8

<https://doi.org/10.36906/KSP-2022/56>

Ярычев Н.У.

*ORCID: 0000-0003-4667-8020, д-р пед. наук, д-р филос. наук
Чеченский государственный университет имени А.Х. Кадырова
г. Грозный, Россия*

СОВРЕМЕННАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ МЕМОРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА. К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена осмыслению основных причин значимости культурологического изучения мемориальной культуры Чеченской Республики. Под мемориальной культурой понимается совокупность устойчивых, воспроизводимых способов познания, интерпретации, описания, сохранения, трансляции прошлого, репрезентируемых в различных формах мемориальной деятельности. Ключевыми факторами актуальности указанной проблематики являются: идентификационный фактор (глубинное понимание специфики национальной идентичности и определение перспектив ее дальнейшего формирования) и коммуникационный фактор (построение более гармоничного и взвешенного межкультурного диалога).

Ключевые слова: мемориальная культура; прошлое; культурная память; мемориальная культура Чечни.

Yarychev N.U.

*ORCID: 0000-0003-4667-8020, Ph.D.
Chechen State University named after A.K. Kadyrov
Grozny, Russia*

CONTEMPORARY CHECHEN MEMORIAL CULTURE. ON THE RELEVANCE OF STUDYING

Abstract. The article is devoted to the comprehension of the main reasons for the significance of the culturological study of the memorial culture of the Chechen Republic. Memorial culture is understood as a set of stable, reproducible ways of knowing, interpreting, describing, preserving, and transmitting the past, represented in various forms of memorial activities. The key factors for the relevance of the mentioned problems are: the identification factor (the deep understanding of the specificity of the national identity and the determination of the prospects for its further formation) and the communication factor (building a more harmonious and balanced intercultural dialogue).

Keywords: memorial culture; past; cultural memory; memorial culture of Chechnya.

Мы живем в изменчивом мире, в котором картина прошлого меняется едва ли не чаще, чем картина настоящего. Можно в этой связи вспомнить цитату П. Нора о том, что «все говорят о памяти, потому что памяти больше нет» [6, с. 15]. «Нет» в смысле отсутствия предсказуемого и естественного течения времени, практики традиционной передачи опыта, преемственности поколений. Им на смену пришли симулякры прошлого и места памяти.

Однако, несмотря на это, именно прошлое и культурная память представляются и обычным людям, и исследователям, едва ли не последним оплотом стабильности и предсказуемости. По мысли Г. Люббе, «необыкновенное внимание к артефактам прошлого и активное участие в ритуалах, организуемых вокруг них, объясняется тем, что усилиями исторического сознания компенсируется утрата чувства знакомого в культуре, утрата, обусловленная темпом изменений. Необходимость таких усилий увеличивается прямо пропорционально процессу модернизации» [5, с. 98].

С другой же стороны, как показывает актуальная информационно-политическая повестка, именно трактовка прошлого, памяти, интерпретация истории выступают одним из основных и наиболее острых источников внутри- и межкультурных столкновений и даже войн.

Это во многом связано с подчиненностью прошлого настоящему, с использованием прошлого как инструмента социально-политических манипуляций. Как справедливо отмечает М.Л. Шуб, «каждая историческая эпоха моделировала собственное видение прошлого исходя из актуальных для нее стратегических целей развития и наиболее остро нуждающихся в решении проблем. А потому образ прошлого – это не столько взгляд культуры на свою историю, сколько ее понимание самой себя» [10, с. 45].

Прошлое сегодня (да и всегда) выступает полигоном активных столкновений еще и в связи с конкретным историко-событийным наполнением XX века, с его страшными преступлениями и социальными потрясениями.

Такое прошлое не отпускает, оно до сих пор остается «горячим». Ф. Артог писал по этому поводу: «Нет сомнения, что преступления XX века с его массовыми убийствами и чудовищной индустрией смерти – это те потрясения, от которых пошли волны памяти, в конце концов, достигшие и в сильнейшей степени поколебавшие наши современные общества. Прошлое не «прошло», и во втором или третьем поколении к нему обратились за ответом» [1].

Аналогичную точку зрения высказывает и А. Ассман: «Травматическое прошлое, унаследованное от века массового насилия, не изгладится само собой; напротив, это прошлое потребует от нас еще значительного ретроспективного внимания... Это означает, что прошлое следует считать не «мертвым грузом», а тем весомым значимым опытом, который имеют для нас память о погибших и о совершенных злодеяниях» [2].

Таким образом, прошлое выступает одновременно и источником социального опыта, примирения и консолидации (помнить прошлое, чтобы не повторить его катастроф), и идентификационным ресурсом (мы те, каким было наше прошлое), и причиной масштабных конфликтов (у каждого свое прошлое).

На практике, в пространстве культурной политики предлагается довольно много самых разнообразных путей использования созидательного потенциала прошлого и вариантов преодоления или нивелирования возникающих на этой темпоральной почве разногласий. Их эффективность – вопрос спорный. Главный шаг, который должен открывать любую работу с прошлым – это его глубокое изучение. Именно поэтому представляется столь значимым изучение мемориальной культуры в целом и современной мемориальной культуры Чеченской Республики в частности.

Под мемориальной культурой предлагается понимать совокупность устойчивых, воспроизводимых способов познания, интерпретации, описания, сохранения, трансляции прошлого, репрезентируемых в различных формах мемориальной деятельности, имеющих место в конкретном обществе в конкретный период его существования. Мемориальная культура – стратегия представления, объективации содержания надындивидуальной памяти того или иного общества, то есть памяти, являющейся коллективной по источнику формирования и социальной по специфике распространения.

Стоит также отметить, что сущностными чертами мемориальной культуры являются:

- публичность (открытая презентация мемориальных действий, доступность непосредственного участия и/или эмоционального соучастия аудитории);
- коллективность (репрезентация и/или формирование посредством мемориальных действий ценностных установок не отдельной личности, а определенной социальной группы);
- медиативность (включение в мемориальную деятельность различных медиумов, репрезентирующих ее ценностно-нормативное содержание; в качестве медиумов могут выступать музеи, памятники, фильмы, ритуальные действия и пр.);
- воспроизводимость (устойчивый характер мемориальных представлений и действий, закрепленных в культурных ценностях, нормах, практиках, моделях поведения, транслируемых из поколения в поколение в качестве эталонных образцов);
- ритуализированность (наличие алгоритмизированной основы мемориальной деятельности и/или мемориального нарратива, правил, предписаний, установленного порядка, лежащих в их основе и подлежащих повторению);
- презентативность (связь мемориальной культуры с ценностными, идеологическими установками настоящего, выступающего призмой оценки прошлого); активность (выраженная деятельностная составляющая).

В целом актуальность культурологического обращения к мемориальной культуре совпадает с теми причинами, которые инициируют исследовательский интерес к феноменам прошлого и памяти в целом. В самом общем виде данные причины можно свести к нескольким основаниям:

- идентификационному (восприятие прошлого как источника новых идентификационных программ и объединяющих идей);
- политическому (понимание прошлого как ресурса легитимизации актуальных процессов и явлений);

– психологическому (стремление проработать, осознать, проанализировать прошлое для преодоления травматических воспоминаний).

Цель данной статьи заключается в том, чтобы сфокусироваться на осмыслении значимости изучения локального измерения мемориальной культуры, в частности – на осмыслении значимости изучения мемориальной культуры Чеченской Республики.

Такая значимость детерминирована двумя ключевыми факторами – идентификационным и коммуникационным.

Идентификационный фактор.

Изучение мемориальной культуры современной Чеченской Республики – это значимый ресурс формирования новой национальной идентичности. Или, если говорить точнее – адаптации уже существующей национальной идентичности к новым историческим, политическим, социокультурным условиям.

О том, что в структуре национальной идентичности чеченцев сейчас происходят определенные содержательные изменения, говорят разные исследователи. Так, например, В. А. Шнирельман в работе «Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX век» пишет о «резком усилении роли представлений о прошлом в формировании этнической идентичности на Северном Кавказе» [9, с. 9].

А.Х. Боров характеризует Юг России (имея ввиду, главным образом, Кавказ) как регион переходности, прежде всего, идентификационной. Источники переходности, по его мнению, кроются в «наследии нерешенных проблем прошлого, и общей незавершенности процессов модернизации в регионе, и новых вызовов экономической, политической и культурной глобализации. В силу этого для народов Северного Кавказа сохранится определенная напряженность между необходимостью соответствовать требованиям открытого и конкурентного мира современности и потребностями сохранения своей культурно-исторической идентичности» [3, с. 246].

Изучение мемориальной культуры в этом контексте, осознание того, как современные чеченцы воспринимают прошлое, оценивают его, поможет не только осмыслить суть происходящих идентификационных трансформаций, но и сделать их более созидательными и ресурсными. История нередко дает основания для конфликтов, что аргументированно и убедительно показал В. А. Шнирельман [9]. Культурологический взгляд на прошлое как на его актуальное отражение в мемориальной культуре скорее ищет точки солидаризации, причины конфликта и способы их разрешения; не оценивает и не агитирует, а констатирует и объясняет.

Коммуникационный фактор.

Обращение к локальному этническому варианту мемориальной культуры открывает новые перспективы для культурного, национального и политического диалога между собственно носителем этой культуры (отдельного этноса) и теми мемориальными субъектами, с которыми он так или иначе контактирует. В нашем случае – это Чеченская Республика и

Россия – и как государство и Россия как особый тип культуры, в том числе и мемориальной, в отрыве которой мемориальная культура Чечни существовать не может.

Таким образом, обращение к мемориальной культуре современных чеченцев – это не только путь постижения собственной национальной идентичности, но и путь постижения партнеров по социокультурному диалогу. В данном контексте прошлое обретает черты философского Другого, которое одновременно «дает возможность узнать самого себя, определиться, стать собой...» и стимулирует интерес приблизиться к линии чужого ментального, ценностного, исторического горизонта [4, с. 80].

По мысли профессора Университета города Нью-Йорка С. Канагараджа, именно познание локальности (“local knowledge”) стимулирует исследовательский выход за строгие границы конкретных объектов (районов, городов, местностей), инициирует поиск специфики и универсальности: «Мемориальная культура помогает развить плюралистический способ мышления, с помощью которого мы познаем различные культуры и идентичности, но при этом участвуем в проектах, общих для нашего общего человечества ...» [11, с. 257].

Исследование современной чеченской мемориальной культуры позволяет сформировать теоретическое и культурно-историческое основания для последующего сравнения мнемонических паттернов современных чеченцев и россиян, чтобы увидеть благодаря им точки содержательного, ценностного соприкосновения и точки разрыва, болевые зоны, и уже на этой базе корректировать векторы взаимодействия двух народов, культур, государств, делая его более эффективным и созидательным.

В целом, прошлое играет огромную, определяющую роль в самосознании жителей Кавказа вообще и чеченцев в частности. Как отмечает В.А. Шнирельман, «для северокавказцев история имеет несравнимо большее значение, чем, например, для белых американцев. Если в ответ на вопрос о роли прошлого в их жизни американцы обращаются прежде всего к фактам личной или семейной истории, то обитатели Северного Кавказа говорят о прошлом своего народа. Аналогичным образом, вспоминая об исторической личности, оказавшей на них наибольшее влияние, американцы сплошь и рядом говорят о каком-либо родственнике, тогда как северокавказцы неизменно называют имя Шамиля» [9, с. 9]. О.С. Павлова такую роль истории и прошлого для современных чеченцев обозначила емко и лаконично: «Каждый чеченец – историк» [7, с. 41].

В качестве вывода хотелось бы еще раз подчеркнуть, что изучение мемориальной культуры как системы интерпретации прошлого имеет огромный потенциал не только для представителей memory studies, но и для теоретиков и практиков самых разных научных профилей. Это связано, главным образом, с тем, понимание причин той или иной социальной деятельности (в том числе и мемориальной), по мнению А.Я. Флиера, способствует реализации одной из важнейших функций культуры – функции адаптации общества к условиям существования и формирования (насколько это возможно) гармоничных внутри- и межкультурных связей [8, с. 50].

Литература

1. Артог Ф. Времена мира, история, историческое письмо // Новое литературное обозрение. 2007. № 1 (83). С. 22-35.
2. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.
3. Боров А.Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе (Проблема социально-культурного синтеза). Нальчик: Каб.-балк. ун-т., 2007. 298 с.
4. Голенков С.И. Необходимость Другого // Вестник СамГУ. 2012. № 5 (96). С. 77-83.
5. Люббе Г. В ногу со временем. О сокращении нашего пребывания в настоящем // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 94–107.
6. Нора П. Франция-память. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. 333 с.
7. Павлова О.С. Чеченский этнос сегодня: черты социально-психологического портрета. М.: Сам Полиграфист, 2013. 558 с.
8. Флиер А.Я. Культурная система: модель функциональных свойств // Вестник культуры и искусств. 2021. № 2 (66). С. 47–53.
9. Шнирельман В. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 696 с.
10. Шуб М.Л. Актуальность в зеркале минувшего: основные содержательные черты современного образа прошлого // Вестник культуры и искусств. 2020. № 1 (61). С. 45–52.
11. Canagarajah S. Reconstructing Local Knowledge // Journal of language, identity, and education. 2002. No 4. P. 243–259.

© Ярычев Н.У., 2022